

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА ГОЛУБЕВА

научный сотрудник АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
luyba.golubeva@gmail.com

ОДЕВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА: МЯГКИЕ ГРАНИЦЫ – СТРОГИЕ ПРАВИЛА

Статья посвящена исследованию стратегий функциональной и символической организации деревенского жилища на Русском Севере. Как показало исследование, тканевые завесы на окнах и в других местах деревенского дома имеют не только утилитарное, но и символическое значение. Они определяют границы между приватной сферой и публичной. Шторой отгораживают так называемую солнышу, место за печкой, куда может заходить только хозяйка-большуха. Занавесками-пологами закрыто место для сна. Неосторожное обращение девушки с закрытой шторой и пологом (например, одинокий сон без подружки в пологе) может быть прочитано как готовность к интимной связи. Для горожанина более заметным и привычным знаком в подобных случаях будет закрытая дверь, обеспечивающая и визуальную, и акустическую непроницаемость. Полотняные же границы более проницаемые и «мягкие». Разница между двумя способами различать пространство на интимное и публичное определяет ответственного за сохранение границ. В случае акустической и визуальной непроницаемости ответственность разделяется между тем, кто закрылся, и тем, от кого закрываются. В случае закрытой шторы границу нарушает тот, кто увидел. Исследователь в своих этнографических и антропологических наблюдениях делает вывод, что навык не смотреть за границу чужого интимного развивается посредством ритуалов, а далее его закрепляют в повседневных ситуациях. Тканевые занавесы при этом представляют собой особые инструменты для оттачивания этого навыка. Второй вывод исследователя затрагивает гендерный аспект. Контролем этих, казалось бы, неочевидных границ как в повседневности, так и в ритуале занимаются женщины. Материалом для статьи послужили полевые записи и исследования автора, сделанные на территории Русского Севера в период с 1984 по 2017 год.

Ключевые слова: символическое и практическое пространство, визуальные практики, традиции, ритуальные и повседневные практики

Занавески и шторы, особенно оконные, для горожанина, приехавшего в деревню, представляют собой вполне себе привычное явление. И поэтому в ситуации «поля» *задергашкам* (местный диалект) и прочим тканевым завесам фольклористы и этнографы уделяют мало внимания. И, как часто это бывает, только в определенной ситуации собиратель неожиданно для себя обнаруживает неизвестный ему семиотический статус привычных предметов [1], [3], [4], [13] и их коммуникативные функции.

Так, в 2007 году со мной приключилась ситуация коммуникативного провала, связанная с «задернутыми/раздернутыми» шторками. В том году наша полевая работа проходила на новой для нас территории – в Мезенском районе Архангельской области. Местные жители для нас и мы для жителей были новыми и незнакомыми людьми, и, возможно, поэтому нашу группу поселили в крайне запущенное и не очень пригодное для жилья место – бывший детский сад. Это было деревянное здание с огромными окнами, которые открывали для людей на улице как нас самих, так и весь наш интерьер. И это вызыва-

ло дискомфорт. Наша соседка и доброхот Елена Ивановна¹ любезно выделила нам несколько шторок. Шторки мы повесили и всегда держали задернутыми. И эти вечно зашторенные окна сыграли против нас. Из-за них в течение почти двух недель не могли дозвониться до нас наши коллеги, работающие в других деревнях. Позже мы узнали от Елены, почему так случилось. Она подходила к нашему дому, видела закрытые окна, и это было для нее основанием для того, чтобы сделать определенный вывод: мы спим или отдыхаем. И она уходила. Ни время суток, ни то, что мы при этом шатались по деревне, – ничто для нее не было аргументом для иных предположений о наших занятиях. Для Елены задернутые занавески были знаком закрытых границ. Задернутые шторки – знак отдыха хозяев дома, а если они отдыхают – похоже, беспокоить нельзя.

Через пару лет мы перебрались работать в соседний район. И я вновь оказалась вовлечена в коммуникацию посредством занавесок. Я пришла на интервью к пожилой и одинокой женщине – Александре Александровне. Встретились мы около 10–11 утра, беседа происходила на кухне

перед большим окном. По каким-то причинам мне помешало не закрытое шторой окно, и я попросила задвинуть занавески. На что мне Александра Александровна объяснила, что сделать это категорически не может. Окно на ее кухне с утра должно быть открыто – для соседей, живущих напротив. Закрытое занавесками окно до полудня – тревожный знак для соседей. Не открыла окно – не встала с кровати, а значит, надо идти проводить.

В экспедиции 2015 года случилось еще одно небольшое открытие, когда я, уже посвященная в правила коммуникации посредством штор, приучила себя и неофитов студентов открывать окна сразу же, как просыпаешься, чтобы не прослыть лодырем и соней среди местных жителей. В деревнях нежилые дома – дело обычное. Отличительной чертой таких домов являются круглосуточно закрытые шторы на окошках. В беседе с местной женщиной я узнала, что хозяйки-наследницы родовых нежилых домов имеют обычай раз или два раза в год приходить в старые дома, чтобы прибраться. Они моют полы и обязательно снимают занавески. Уносят их к себе, чтобы постирать, приносят обратно, развешивают, занавешивают и уходят до следующего раза. Этот обычай подтвердили женщины из соседних деревень. Свои действия они объясняют, с одной стороны, по-бытовому – чистота сохранит дом в пригодном состоянии дольше, с другой стороны, чистые занавески на окнах – сигнал для других, что дом пустой, но с хозяином. Даже наивно надеются, что это спасет дом от мародерства. В случае, когда дом остается совсем без хозяев, окна заколачивают.

Итак, со временем шторы стали предметом моего пристального внимания. Так я узнала, что традиционно во время похорон шторы в доме не только держат закрытыми до выноса покойника, но после их обязательно перестиравают. При этом женщины говорили, что в первый год после смерти покойного сменить одни шторы на другие – это практически единственное возможное изменение в интерьере дома. Но вообще в старых домах шторы (оконные и те, что украшают дверные проемы) стараются сохранять. Они работают как знаки памяти. Я наблюдала за тем, как однажды пожилая женщина зашла в дом, где жили студенты во время практики: это был дом ее покойной сестры. Она все повторяла, что очень хорошо, что Люся (невестка сестры) не сменила шторы, оставила как было, как будто все по-прежнему. При этом в том же доме мы обнаружили его старые фотографии, интерьер легко можно было опознать даже по черно-белым фотографиям благодаря цветастому рисунку шторок: он соответствовал рисунку штор, что висели сейчас.

Эта часть интерьера оказывается важной в отношениях между старшими и младшими женщи-

нами, например между свекровью и невесткой. Непокорные невестки могли демонстративно поменять занавески на окнах дома мужа, сменив имеющиеся на свои.

А еще окно – один из способов продемонстрировать свое мастерство рукодельницы: часто шторы вязали крючком, вшивали в ткань узоры и пр.

В нашем архиве² я обнаружила более трехсот контекстов, в которых упоминаются занавески и шторы, упоминания о них встречаются в разных фольклорных жанрах – от устной народной прозы до частушек, романсов и традиционных песен. Однако рассмотрение значений штор и занавесок в фольклорных текстах не входит в мои задачи. Мне бы хотелось остановиться на двух темах: коммуникативная функция штор, и в первую очередь функция разграничения практического и символического пространства жилища. А также рассмотреть вопрос о том, кто созидает эти границы и когда они нужны.

Надо сказать, что, в отличие от городского обычая, оконные шторы и занавески для севернорусской деревни – явление довольно позднее. Например, на фотографиях начала XX века, сделанных в севернорусских деревнях, они еще отсутствуют. Судя по свидетельствам наших информантов, шторы на окнах – явление послевоенное. Женщины, которые родились в 1920-е и 1930-е годы, вспоминают, что раньше на окнах штор не было. П. С. Ефименко описывает дом конца XIX века так:

У окон приколачиваются наличники и карнизы, а во многих домах сверх того приделываются к стойкам ставни (дверцы на железных петлях) для закрытия окон, когда это нужно бывает. <...> Однако же ставни бывают не у всякого дома, и крестьяне вместо них к окнам на ночь приставляют соломенные коврики. Кроме того, у зажиточных хозяев окна в домах завешиваются ситцевыми и икейскими занавесками [10: 75].

Более долгую историю имеют внутренние занавески в доме – полога. Ефименко отмечает:

У многих домов четвертая часть избы против печи отделяется заборкой, перегородкою, называемую шолнышей, сонышею или солнышем. <...> В иных домах вместо деревянной заборки бывают претрадинные, холщовые и крашенные занавесы [10: 75].

В иллюстрированной энциклопедии «Русская изба» на слово «занавеска» в разделе, где помещены словарные статьи о мебели и убранстве дома, находим следующее:

Занавеска (занавесь) – короткое полотнище ткани для занавешивания дверного проема из избы в горницу при пятистенке, из избы в прорубы в клети. Занавесками украшались спинки кроватей, иконы в божнице. Эти занавески вошли в русский крестьянский быт во второй половине XIX – начале XX вв. [14: 73].

Занавески же на окнах, по данным энциклопедии, стали использоваться только в 20–30-е годы прошлого века, когда стали исчезать из обихода ставни.

Другими словами, и тканевые занавесы внутри дома, и оконные шторы на окнах – явление отнюдь не древнее. Однако они представляют собой мощный полисемантический объект, функционирующий в разных, в том числе и ритуальных, ситуациях. Так, «за занавеской» находилась невеста какое-то время во время сватовства, *занавесой* могут назвать ткань, которой закрывают колыбель с младенцем и за которую нельзя заглядывать посторонним.

Собиратели и сегодня могут наблюдать в домах внутренние занавески: они закрывают особые места – места хранения одежды, полати, печи, вход в *солнышу*, дверные проемы и пространства спальных комнат. В этих шторах, безусловно, имеется утилитарный смысл – декоративный: они закрывают и прячут «некрасивое» или то, что не нужно показывать другим/чужим. Но также с помощью внутренних шторок разграничивается пространство дома. И часто организованному таким образом границу без особого спроса пересекать нельзя. Возможность пересекать такие границы обеспечивается наделением определенным статусом.

Чтобы привести пример, вернусь в 2007 год, когда мы впервые приехали на Мезень. Из-за непогоды мы сутки не могли перебраться на другой берег реки, из одной деревни в соседнюю. На это время нас приютили в своем доме глава администрации и его супруга. Утром радушная хозяйка решила порадовать незваных гостей выпечкой, я была назначена помощницей. И через какое-то время, наблюдая за хозяйкой, я поняла, что все необходимое для готовки находится возле печи, за шторкой. Конечно, из этнографической литературы я знала про запечный угол, про то, что это место хозяйки, и прочее, но я решила, что на дворе XXI век, перед нами добрейшая Ольга Петровна и так далее – я перешагнула за штору. И в ту же минуту гостеприимная хозяйка превратилась в строгую женщину, которая отчитала меня за бестактность. В *солнышу* заходить не хозяйке (то есть не старшей женщине, которая главная у печи) категорически запрещается [17], [18].

В дальнейшем я рассказывала другим местным женщинам о своем проступке, некоторые из них смеялись над моей глупостью и незнанием, кто-то осуждал, кто-то еще раз подтверждал тот факт, что существуют строгие правила пользования чужой кухней и чужим пространством: «Гостить гости – а в *солнышу* не заходи...» Как отмечает Е. Л. Мадлевская, занавес – перегородка, отделяющая кухонный (печной) угол от основного пространства избы – известен еще с XIX века: его сшивали из 4–6 полотнищ домотканого полотна. Позже для этого использовали фабричный материал – ситец [14: 73].

В современном деревенском доме такой занавесью «украшают» не только *солнышу*, но и стенки печи-голландки. Такие шторки в мень-

шей степени используются для коммуникации, чаще они обладают декоративными функциями, однако и за ними могут быть «спрятаны» одежда, дрова и прочее. И при этом они служат украшением дома, виртуозно и замысловато сочетаясь по цвету с другими деталями интерьера.

Внутренние шторки как границу городские гости часто просто не замечают. Она, эта визуальная граница, слишком «мягкая» для них. Для городского жителя такой способ разграничения пространства и связанные с этой практикой запреты пересечения пространственных границ не являются очевидными. Мы не всегда вовремя осознаем, что нарушаем что-то, легко проникая из зоны публичного в зону приватного. Для горожанина более понятным знаком в подобных случаях является закрытая дверь. Дверь обеспечивает не только визуальную, но и акустическую непроницаемость.

Стоит сказать, что дверь, обеспечивая основную функцию входа в дом и выхода из него, в традиционной славянской культуре служит семиотической границей внутреннего и внешнего миров [2], [5: 222], [16: 25–29]. Закрытая дверь, являясь частью стены, защищает внутреннее пространство дома от внешнего мира. Открытая дверь, наоборот, связывает жилое пространство с внешним миром [5: 222], [15]. Но это если говорить о входной двери. Совсем иначе обстоят дела с внутренними дверьми в деревенском доме. Во-первых, их часто просто нет, а если есть, то одна, отделяющая горницу от избы. Но обычно не только проемы, но и двери дополняются боковыми шторками – кулисами. При этом часто закрытыми будут не двери, а именно шторки, они делят пространство, а вовсе не двери.

Между границей-дверью и границей-шторой существует важное различие – различаются ответственные за сохранение границ. Похоже, что в случае акустической и визуальной непроницаемости контролируют ее как те, кто закрылся, так и те, от кого закрылись. В случае же задернутой шторки (исключительно визуальной непроницаемости) ответственность за сохранение интимного лежит на том, кто смотрит, кому видно. Нарушил границу тот, кто увидел, а не тот, кто не закрылся. Известно, что в традиционной культуре широко представлена система запретов: кому и на что нельзя смотреть, а также предписаний – кому на что (куда, во что) нужно смотреть. О запретах и предписаниях, о предикатах «смотреть» и «видеть» в ритуале подробно говорит в своем диссертационном труде М. В. Ясинская [19]. Исследователь указывает на то, что в визуальной коммуникации активным является как раз воспринимающий субъект, а видимые объекты, как правило, пассивны, они не выполняют никаких действий. Они просто существуют, и они видимы, то есть доступны взгляду [19: 90–91]. Это замечание значимо и для моих наблюдений.

Однако Ясинская разбирает ритуальные контексты, я же говорю о ситуациях повседневных: шторы открывают и закрывают на окнах каждый день, в солнышу хозяйка заходит ежедневно, *препоны* укрывают постель от комаров и скрывают супружеские пары и т. д.

Но в целом набор ритуальных запретов и предписаний совпадает с повседневным: и в ситуации ритуальной, и в ситуации повседневной учатся не смотреть на новорожденного в зыбке, учатся не бросать взгляд в солнышу, где может быть и молоко, и рукоделие и где могут прятать иконы, тетрадку с заговорами и многое другое. Похоже, что первый навык «не смотреть, куда не следует» (а также, похоже, и не слышать то, что «не для твоих ушей») деревенский житель приобретает еще в детстве. Мы не раз записывали рассказы о том, как детей повитуха или свекровь прятала за штору в солнышу, когда их мать рожала еще одного ребенка:

Мы пришли и говорим: «Тетка! Мамка тебя зовет и сказала – поскорей иди, ну а мы и потякали домой, это было 31 января, пришли, помню, пришли и нас знашь куда – в шолныш, вот это шолныш называется и занаве... а тогда занаве. И так было вот, этак была занавеска. Это Лию и мы там... и не плакала ниче»³.

Потом этот навык закрепляют посредством ритуалов. А после воспроизводят его вновь и вновь в повседневных ситуациях. В 2016 году мы записали историю об очень ответственном мужчине, который старательно контролировал себя с точки зрения собственного взора: приходя в гости к своим родственникам, он просил прятать от него детей за шторой. Он сам себя подозревал в оприкосливости:

Да! Сам вот это. «А потом, – говорит, это, – посижу – дак потом». Они потом заглянут, он их сразу это – занавеску завесит, у нас двери-то нет, дак занавески да. «Не входи, – говорит, – ребята, сюда! Не играйте тут». <Смеется.> <Сам про себя знает?> Да-да, знает, дак-от. «У меня ведь, – говорит, – все равно, как ни взгляну – все равно, – говорит, – прикошу!»⁴

Но в целом обычно деревенскому жителю, чтобы контролировать направление своего взгляда, дополнительные обоснования бывают и не нужны. Так, например, на Мезени существует обычай отнosa обетных пелен к крестам [8]. Это действие требует того, чтобы по дороге туда никто тебя не видел, чтобы никто не видел само это обетное действие. Особенно это касалось крестов, находящихся в черте деревни, их видно сразу из окон многих домов. И я достаточно долго и часто терзала своих собеседников вопросом, как это возможно – не увидеть. И все удивлялись моему вопросу, так как для них было очевидным, что ты все понимаешь: куда и зачем человек идет и что с ним не надо разговаривать и не надо на него в это время смотреть.

То есть строгие правила, предписывающие участнику визуальной коммуникации в ритуале

особый контроль над своим взглядом, переносятся в повседневность, а шторы и занавески при этом выступают особым инструментом для оттачивания этих навыков.

Итак, получается, что оконные занавески держат внешние границы социального пространства всего деревенского сообщества, внутренние занавески обеспечивают границы социального пространства семьи. Они организуют приватные зоны общего дома, где жильцы могут скрываться друг от друга: женщины в своих углах, супружеские пары в препонах или на кровати за шкафом со шторкой и так далее. Созидают эти границы и отслеживают их работу женщины, хозяйки.

Российские исследователи [5], [7], [11], чьи работы так или иначе посвящены пространству крестьянского и городского дома, часто говорят о том, что в организацию деревенского дома вложено больше женственно-материнского, чем мужского, больше статично-оседлого, чем динамично-кочевого, и это идет еще из Домостроя и т. д.

Однако я бы хотела заметить несколько другую вещь. Обращаясь к этнографическим источникам, описывающим жизнь русского крестьянства, я обнаруживаю, что родительское наследство обычно делилось на мужское и женское. Если сыновьям могли выделяться часть усадьбы, хозяйственные постройки, часть обрабатываемой земли, то женщинам в качестве приданого не выделялось недвижимое имущество (могли быть деньги, скот и утварь). Основное приданое девушки – это ткани, постельное белье и одежда. По оценке Ефименко, стоимость такого женского имущества была не меньше стоимости мужского наследства [9: 53–54]. При этом, в отличие от дома, на данное имущество никто и никогда не имел притязаний: ни муж, ни семья мужа. Женщина распоряжалась этим имуществом по своему усмотрению, в том числе выделяя из имеющейся ткани полотна для шторок. Но это речь идет об обычаях конца XIX – начала XX века.

В интервью, записанных от женщин, рожденных в 20–30-е годы прошлого столетия, чьи свадьбы приходились на 50–70-е годы, встречаются свидетельства о том, что в приданое и дары от родителей невесты часто входили или сами шторы, или материал для шторок: «...постельное, это всё, занавески, постельное, это всё»⁵. Или: «...и родители дарили, да, кто что. Кто раньше, кто на тюль, кто для занавесок новых принесет. Это сейчас ведь подарки большие дарят, а тогда не такие подарки были»⁶. И так далее.

Стоит сказать, что русская крестьянка была связана с ткачеством с самого своего рождения. Особый статус текстильных предметов сохранялся на протяжении всей ее жизни. Женщина-хозяйка всегда имела доступ к ткани, распоряжалась ею по своему усмотрению – кому дарить,

кому завешать, кого «укрыть и обезопасить» в обряде и, в том числе, каким образом использовать ткань в быту [6]. И если ткачество ушло из жизни современной деревенской женщины, то особые отношения с тканью и вещами, которые из нее создают, остались. И если мужчина строит дом, то женщина внутри перекраивает его, образуя мягкие тканевые границы, создавая особые локусы приватного – и повседневные (в доме),

и ритуальные (в обряде). Она же устанавливает и блюдет правила пересечения этих границ, и все эти правила знают и исполняют.

В завершение хотелось бы заметить, что в домах одинокого мужчины (вдовца или бобыля) шторы или отсутствуют вовсе, или просто доживают свой век. Похоже, одиноким мужчинам нет необходимости ни прятаться от кого-либо, ни подглядывать самому.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Персональные данные информантов в статье изменены.

² Электронный архив «Российская повседневность» АНО «Пропповский Центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.daytodaydata.ru> (дата обращения 12.02.2018).

³ ЭА «Российская повседневность», DTxt11-199_Arch-Lesh_11-07-13.

⁴ ЭА «Российская повседневность», DTxt16-131_Arch-Mez_16-07-10.

⁵ Там же.

⁶ ЭА «Российская повседневность», DTxt13-247_Arch-Lesh_13-07-10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. (Сборник МАЭ. Т. 37). С. 215–226.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
3. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.
4. Байбурин А. К. О жизни вещей в народной культуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 2–3.
5. Вербина О. В. Пространственные границы дома: приватное и публичное // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6). С. 220–224.
6. Веселова И. С. Тряпичная парадигма, или «В рипках родились, в рипках жили, в рипках и померем» // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 289–316.
7. Волкова Т. В. Особенности восприятия дома в современной российской культуре // Вопросы культурологии и философии. 2012. № 4 (XXVI). С. 40–44.
8. Голубева Л. В. «Женщины все больше носили, тряпки висели»: относ пелен как женская религиозная практика // Речевая и обрядовая культура Русского Севера. Филологический практикум / Сост. И. С. Веселова, А. А. Степихов. СПб., 2012. С. 29–39.
9. Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2009. 272 с.
10. Ефименко П. С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. 560 с.
11. Климова С. В. Дом и мир: проблема приватного и публичного [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/dom-i-mir-problema-privatnogo-i-publichnogo> (дата обращения 10.12.2017).
12. Кучумова А. Красный угол: положение в пространстве как семантический признак вещи // Русский фольклор в современных записях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php (дата обращения 11.12.2017).
13. Новик Е. С. «Вещь-знак» и «вещь-жест»: к семиотической интерпретации фетишей // Вестник РГГУ. 1998. Вып. 2. С. 79–97.
14. Русская изба. (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская и др. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 376 с.
15. Семиотика деревенского жилища: Медиапрезентация / С. Б. Адоньева, И. С. Веселова, Л. В. Голубева, В. В. Захаркина, А. С. Каретникова, А. А. Кучумова, Е. С. Мамаева, Ю. Ю. Мариничева, А. А. Маточкин, А. В. Степанов, Д. К. Туминас // Русский фольклор в современных записях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://folk.ru/Presentations/Semiotics/index_flash.php?rubr=semiotics_pres (дата обращения 08.01.2018).
16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 25–29.
17. Степанов А. В. Опыт прагматической интерпретации пространства севернорусской избы: шолныша // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 194–215 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/> (дата обращения 12.01.2018).
18. Степанов А. В. О месте. Этнофеноменологический очерк // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 199–220.
19. Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Golubeva L. V., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SPACE “CLOTHING” : SOFT BORDERS – STRICT RULES

The article is concerned with the functionality of symbolic and practical space of the village house. Along with the practical reasons textile valances on the windows and other places inside the house have a particular symbolic meaning. They act as “borders” separating public and private zones. Hanging a valance the village peasants separate the space between a stove and a wall (“solnysha”) from

the rest of the house area. Only a mistress (“*bol'shukha*”) of the house can enter “*solnysha*”. The sleeping area can also be partitioned by the textile valance (“*polog*”). The careless use of a valance by a girl who sleeps behind a *polog* on her own can be perceived by a young man as an erotic message. For a townsman, on the contrary, a closed door would be a habitual and evident sign of no trespassing. The door provides a visual and acoustical impenetrability for one standing behind it. Textile borders are more passable and soft. This discrepancy determines responsibility for keeping familiar borders. When people use visual and acoustical impenetrability (closed door), this responsibility is reciprocal for both sides. When people use a textile valance for keeping a familiar space, the responsible side is the one who looked behind the valance. A peeking person disturbs the border of the private zone. The researcher concludes that a habit of not looking into the private zone is developed through ritual practices, which later are incorporated into the everyday life. Herewith textile valances play a role of a special tool for practicing this habit. The second conclusion is related to the gender aspect. In villages, the women were the ones who controlled the soft borders of private zones both in daily practice and rituals. The article is based on the materials collected by the author of the article during multiple expeditions to the Russian North (1984–2017).

Key words: symbolic and practical space, visual practices, traditions, ritual and everyday practices

REFERENCES

1. Bayburin A. K. The Semiotic status of things and Mythology. *Material'naya kul'tura i mifologiya. (Sbornik MAE. T. 37)*. Leningrad, Nauka Publ., 1981. P. 215–226. (In Russ.)
2. Bayburin A. K. A Habitat in Ceremonies and Presentations of Eastern Slavdom. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 191 p. (In Russ.)
3. Bayburin A. K. The Semiotic Aspects of the Functioning of Things. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*. Leningrad, Nauka Publ., 1989. P. 63–88. (In Russ.)
4. Bayburin A. K. About Things in Folk Culture. *Zhivaya starina*. 1996. No 3. P. 2–3. (In Russ.)
5. Verbina O. V. The border of A Expanse of A House. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2015. Issue 2 (6). P. 220–224. (In Russ.)
6. Veselova I. S. A rag-tagged paradigm. *Antropologicheskii forum*. 2005. № 2. P. 289–316. (In Russ.)
7. Volkova T. V. The special Aspects of a Home in The Modern Russian Culture. *Voprosy kul'turologii i filosofii*. 2012. № 4 (XXVI). P. 40–44. (In Russ.)
8. Golubeva L. V. “Women more often carried and hung up rags”: Deviation of Carpets as female religious practice. *Recheyaya i obryadovaya kul'tura Russkogo Severa. Filologicheskii praktikum*. St. Petersburg, 2012. P. 29–39. (In Russ.)
9. Efimenko P. S. Folk juridical Customs of Peasants in Arkhangelsk governorate. Moscow, CIS Economic Development Support Fund Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)
10. Efimenko P. S. The Customs and Convictions of Peasants in Arkhangelsk governorate. Moscow, CIS Economic Development Support Fund Publ., 2008. 560 p. (In Russ.)
11. Klimova S. V. The House and The Universe: A problem of public and private. *Anthropology*. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/dom-i-mir-problema-privatnogo-i-publichnogo> (accessed 10.12.2017). (In Russ.)
12. Kuchumova A. The red angle: Position in Space as a Semantic Feature of the Thing. *Russkiy fol'klor v sovremennykh zapisyakh*. Available at: http://folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php (accessed 11.12.2017). (In Russ.)
13. Novick E. S. A thing-sign and a thing-gesture: to the Semantic Interpretation of Fetishes. *Vestnik RGGU*. 1998. Issue 2. P. 79–97. (In Russ.)
14. The Russian House (an Interior, a Furniture, Utensils). The Illustrated Encyclopedia. St. Petersburg, An Art-SPb Publ., 2004. 376 p. (In Russ.)
15. The Semiotic of a Village House. *Russkiy fol'klor v sovremennykh zapisyakh*. Available at: http://folk.ru/Presentations/Semiotics/index_flash.php?rubr=semiotics_pres (accessed 08.01.2018). (In Russ.)
16. Slavic antiquities: Ethno-linguistic dictionary: In 5 vol. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. P. 25–29. (In Russ.)
17. Stepanov A. V. The Experience of Pragmatic Interpretation of Space of the Northern Russian House: sholnysha. *Antropologicheskii forum*. 2011. № 15. P. 194–215. Available at: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/> (accessed 12.01.2018). (In Russ.)
18. Stepanov A. V. About place. An Ethnophenomenological essay. *Antropologicheskii forum*. 2016. № 28. P. 199–220. (In Russ.)
19. Yasinskaya M. V. The Concept of Eyes and Vision in the Language and Tradition of Slavic Cultures. Diss. Cand. Sci. (Phil.). Moscow, 2016. (In Russ.)

Поступила в редакцию 29.11.2017